Jaspers, K. (2013). *Man in the modern age* / transl. from Eng. by M. I. Levina. Moscow, AST. 285 p.

Submission date: 05.08.2026.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, вице-президент Российского философского общества. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: 8 (495) 609-90-76. Эл. адрес: reznik-um@mail.ru

Reznik Yuri Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Vice President, Russian Philosophical Society. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: 8 (495) 609-90-76. E-mail: reznik-um@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.3

Стратегия гибридной обороны через призму стратегического партнерства России и Китая

А. А. Бартош

Московский институт социологических исследований

Распад биполярного мира окончательно завершился кризисом либерального порядка и идеи партнерства цивилизаций. Главным препятствием на пути к партнерству цивилизаций является не экономическая конкуренция и не политические противоречия между странами современного мира, а мировоззрение элит стран Запада, которые такого партнерства не желают в принципе. В условиях мировой гибридной войны, когда прямое столкновение ядерных держав маловероятно, Россия и Китай перешли к формированию собственной версии гибридной обороны. В отличие от западной концепции гибридной войны как наступательного инструмента, Пекин и Москва трактуют гибридную оборону как комплекс мер по парированию угроз суверенитету — от кибератак до цветных революций. Данная статья исследует, каким образом две державы синхронизируют свои усилия в информационной, энергетической и технологической сферах, и что делает их сотрудничество реальным стратегическим альянсом.

Ключевые слова: гибридная война; гибридная оборона; стратегия; факторы; партнерство

ВВЕДЕНИЕ

В основе современного противостояния Востока и Запада лежит борьба за новое мироустройство. Определяющими факторами является геополитика: Запад защищает однополярную гегемонию, Восток (Россия, Китай) — многополярность и суверенитет, а также традиционную систему ценностей (конфликт либерального индивидуализма с коллективизмом и консервативными ценностями). В экономике

это передел рынков, борьба за технологии и контроль над ресурсами. По сути, причина противостояния — это столкновение «порядка, основанного на правилах» (западных) и «международного права» (с правом вето для великих держав).

В военной сфере в процессе противоборства России и Запада глобальная парадигма современных военных конфликтов изменилась, традиционная «победа в бою» уступила место размытым конфликтам и новым трактовкам победы (Бартош, Никоноров, 2025: 74–89).

Грань между войной и миром стала практически неразличимой. На смену прямым военным столкновениям пришли гибридные и прокси-войны, технологии контролируемого хаоса и цветных революций. Стороны конфликта ведут непрерывный поиск баланса между симметричными и асимметричными формами противоборства. В стратегиях, наряду с военными формами и способами борьбы, важными инструментами становятся дезинформация, кибератаки и энергетический шантаж.

Россия и Китай сегодня реализуют свою внутреннюю и внешнюю политику в условиях межцивилизационного противоборства и навязанной им Западом военной конфронтации нового типа — мировой гибридной войны (МГВ), стратегия которой рассчитана на ослабление и развал государства-жертвы.

Мировая гибридная война — это многомерный военный конфликт с масштабным применением как военно-силовых способов борьбы, так и экономического удушения противника, использования подрывных технологий контролируемого хаоса и цветных революций, прокси-войн, кибертехнологий. МГВ ведется на обширных территориях с охватом многих государств и континентов и приобретает межцивилизационный характер (Шевцов, Бартош, 2025: 16–26).

Появились новые угрозы, сочетающие симметричные и асимметричные формы противоборства, что диктует России и Китаю как главным объектам МГВ необходимость принятия масштабных совместных мер.

В отличие от западного понимания стратегии гибридной войны как атаки на слабые и уязвимые места противника, Россия и Китай трактуют новую форму противоборства как гибридную оборону (ГО), т. е. как реакцию на угрозы своему суверенитету и способ удержать власть, не прибегая к тотальной мобилизации.

Общность стратегической гибридной угрозы и совпадение интересов диктуют России и Китаю необходимость объединить и координировать усилия в формировании совместной гибридной обороны в рамках стратегического партнерства наших двух стран.

В этом контексте цель данной статьи — выявить механизмы координации Москвы и Пекина в невоенных сферах, таких как киберпространство, дезинформация, экономическое принуждение, использование раскола внутри западных элит, и способствовать формированию совместной стратегической гибридной обороны.

Стратегия России и Китая заключается не в совместных вторжениях, а в создании системы «неуязвимости»: когда попытка наказать одну страну через санкции, контролируемый хаос или цветную революцию автоматически наносит ущерб интересам другой, делая нападение на них стратегически невыгодным.

ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ ОБОРОНЫ В МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Остроту проблеме формирования совместной гибридной обороны от угроз МГВ придает то, что при сохранении стратегической значимости противоборства между Россий и Западом в Европе, Арктике и Закавказье регион активного про-

тивостояния постепенно смещается в Азию как в ключевой экономический центр будущего.

Стратегия измора МГВ предусматривает ползучую трансформацию серой зоны как театра войны, в ходе которой противоборство охватывает южную часть Евразии от Турции до Кореи, представляющую собой единственный динамично развивающийся регион.

Реалии современности вынуждают расстаться с иллюзиями, что угроза миру в глобальных масштабах осталась в прошлом. Хрупкость современной системы международной безопасности, вызванная искусственной хаотизацией международных отношений, ослаблением способности международных организаций влиять на обстановку, безответственными действиями труднопредсказуемых политических лидеров, обусловливается также усилением угроз военных конфликтов нескольких видов: классических и гибридных. При этом в дестабилизирующей стратегии МГВ, в технологиях контролируемого хаоса и цветных революций активно используется свойство глобальной критичности современного мира.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, принятой в Пекине 20 мая 2026 г., Президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивают необходимость «выступать против расширения военных альянсов, "гибридных" войн и войн "чужими руками", продвигать создание обновленной сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры глобальной и региональной безопасности» (Совместная заявление … , 2026: Электронный ресурс). Лидеры двух великих держав высказали обеспокоенность тревожным развитием обстановки в мире, определяющее влияние на которую оказывает стремление США не допустить утраты глобального лидерства, сохранить однополярный мир любыми средствами, включая военные.

Отсюда логически следует императив разработки под эгидой двух стратегических партнеров концепции обороны в гибридной войне. Можно предположить, что к такой концепции присоединятся многие другие дружественные государства и партнеры наших двух стран.

Необходимость разработки стратегии совместной обороны России и Китая в условиях МГВ диктуется комплексом взаимосвязанных геополитических, военно-технических и стратегических факторов.

При составлении плана обороны важно помнить сохранивший свою практическую значимость вывод К. Клаузевица о соотношения обороны и наступления: «…чтобы со своей стороны действительно вести войну, надо и самим давать неприятелю сдачу в виде ответных ударов… Можно и в оборонительной кампании сражаться наступательно». И далее: «В чем заключается смысл обороны? В удержании» (Клаузевиц, 2022: 460–461).

Геополитические и стратегические факторы включают противодействие доминированию США, где главный объединяющий фактор формируется стремлением создать противовес гегемонии США и их союзников, что часто описывается как «двойное противодействие двойному сдерживанию». Кроме того, важным является поддержание статуса великой державы: для Москвы стратегическое партнерство с Пекином критически важно для сохранения статуса великой державы на фоне санкций, а Пекин, в свою очередь, использует это партнерство как противо-

вес мощи США. И наконец, необходима консолидация антизападного блока, поскольку конфликт на Украине ускорил переориентацию России на Китай и в целом на Юго-Восточную Азию и Индо-Тихоокеанский регион.

Ведущими факторами военно-технического сотрудничества выступают взаимозависимость в поставках вооружений. Россия долгое время была основным поставщиком военных технологий для КНР, а после введения санкций Западом именно Китай стал для России ключевым источником компонентов, включая технологии двойного назначения для БПЛА. Совместное освоение высоких технологий придает новый импульс сотрудничеству, переводит его на новый уровень в политической, экономической, военной и военно-технической сферах. Страны делятся критически важной информацией, включая предупреждение о ракетном нападении, обмен данными в рамках уведомления о пусках баллистических ракет, проведение совместных учений по противоракетной обороне (ПРО), работы над совместимостью навигационных систем ГЛОНАСС и BeiDou. В целом сотрудничество перешло от разовых инициатив к системному взаимодействию, охватывающему разведку, ПРО и космические технологии.

Наращивается группа факторов оперативной совместимости и координации. Росту доверия способствуют проведение совместных учений по противовоздушной и противоракетной обороне, совершенствуются механизмы координации между военными и разведками, что говорит о беспрецедентно высоком уровне стратегического доверия.

Приобретает зримые черты стратегия совместной обороны на дальних рубежах: проводятся совместные морские и воздушные патрули в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Арктике, а также в Индийском и Тихом океанах, что демонстрирует способность защищать общие интересы в удаленных районах.

Действуют факторы нормативно-правовой базы и политической воли, отраженные в официальном Совместном заявлении 2026 г., осуждающем гибридные войны и блоковую конфронтацию Запада. Однако это пока «выравнивание без союза», в котором партнерство сохраняет гибкость и ориентировано на сдерживание без автоматических обязательств по взаимной обороне.

Важным фактором является сотрудничество между Россией и Китаем в Арктике (Бартош, 2026: 42–50).

Таким образом, объективная необходимость для Москвы и Пекина координировать свою оборону в ответ на гибридные угрозы продиктована объективными реалиями: общим стремлением к многополярному миру, прагматичной выгодой от обмена военными технологиями в условиях экономического давления и необходимостью совместно противостоять новым вызовам.

Стратегия обороны в мировой гибридной войне выходит за рамки классической военной доктрины, поскольку МГВ ведется в военной, экономической, информационной и социальной сферах, в космосе и киберпространстве одновременно, что требует разработки комплексной гибридной обороны.

Гибридная оборона — это стратегия защиты от гибридной агрессии, сочетающая военные и невоенные методы для достижения политических целей без формального объявления войны. Она включает защиту от технологий контролируемого хаоса и цветных революций, прокси-войн, кибератак, дезинформации, экономического давления, использования нерегулярных формирований и дипломатических манипуляций. В отличие от классической обороны, акцент делается на скрытность,

двусмысленность и использование уязвимостей противника ниже порога открытого конфликта.

Стратегия ГО предусматривает решение задач, представленных в таблице.

В МГВ основная цель — истощить волю противника к сопротивлению в течение длительного (иногда это десятки лет) изматывания. Поэтому ГО строится не

ЗАДАЧИ ГИБРИДНОЙ ОБОРОНЫ
TASKS OF HYBRID DEFENCE

Задачи гибридной обороны	*Содержание задач*
Реализация принципа тотальной обороны	Обороной занимается не только армия, но и министерства, корпорации, волонтеры и каждый гражданин. Цель — обеспечение стабильности всего государства (институты власти, критическая инфраструктура, связь, энергетика) перед лицом подрывных действий противника
Стратегические коммуникации	Борьба с дезинформацией и пропагандой. Сюда входят опровержение дезинформации, психологическая поддержка населения внутри страны, а также работа с союзниками и партнерами для нейтрализации враждебных воздействий
Повышение устойчивости инфраструктуры	Защита энергосетей, транспорта и финансового сектора от кибератак, а также создание резервных систем связи и управления в условиях кризиса
Юридический и политический аспекты	Законы против финансирования враждебных структур, противодействие пятым колоннам в рамках правового поля, а также международная изоляция агрессора (санкции, разрыв дипломатических отношений)
Невоенные средства реагирования	Экономическая контрблокада (защита от валютных манипуляций, эмбарго), рейды на хакерские серверы, высылка шпионов, действующих под видом дипломатов или активистов некоммерческих организаций. Противодействие пятой колонне
Военный компонент (силовое сдерживание)	Подавление иррегулярных формирований (частных военных компаний) без эскалации до тотальной войны, защита границ от провокаций и демонстрация готовности применять силу для сдерживания агрессора. Разработка симметричных и асимметричных мер противоборства
Защита информационного пространства	Контроль и мониторинг соцсетей и СМИ в рамках закона, работа с алгоритмами поисковиков, а также ликвидация уязвимостей в критической инфраструктуре
Подготовка общества	Устойчивость к панике, обучение распознаванию ложных сообщений, юридическая защита граждан от манипуляций и поддержка волонтерских движений для помощи силовикам в кризисных ситуациях

только на том, чтобы не допустить вторжения врага, но и на том, чтобы сохранить управляемость страны в условиях, когда враг ясно о себе не заявил, а на пространстве серой зоны как театре МГВ искусственно создается неопределенность, связанная с отсутствием четкого понимания войны и мира. О временных рамках войны легендарный разведчик Андрей Олегович Безруков в выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2026 г. сказал, что это надолго и что это наша новая «нормальность» (Безруков, 2026: Электронный ресурс).

В условиях искусственно созданных неопределенности и «тумана гибридной войны» важно понимать, что в современном мире стратегия ГО приобретает все большую актуальность и политический смысл (Бартош, 2019). Это придает концепту ГО не только военно-политическое, но и политологическое измерение, основанное на системе взаимодействия властных субъектов и государственных институтов, действующих координированно с единой целью и общими задачами. Это способ осмысления реальности, при котором все социальные процессы рассматриваются через призму политики и властных отношений.

Рассматривая концепцию ГО как документ стратегического планирования, направленный на противодействие попыткам противника ослабить и разрушить государство-жертву МГВ, следует отметить, что формирование стратегии ГО напрямую связано с анализом и прогнозированием объема целей и задач на длительную перспективу.

Поскольку гибридная война сама по себе является конфликтом, сочетающим невоенные и военные формы и способы противоборства, гибридная оборона проектируется с учетом спектра специфических характеристик государства в отношении которого она ведется. При этом стратегия ГО должна учитывать как сильные и слабые стороны объекта, на который планируется воздействие, так и непосредственно сильные и слабые стороны субъекта, планирующего достижение целей. Также она должна выявлять возможности и угрозы, которые могут возникнуть в ходе реализации поставленных военно-политических задач. Кроме того, разработка стратегии должна учитывать не только объективные и реальные политические условия текущего момента, но и вероятностные, зачастую трудно прогнозируемые факторы политики.

ФАКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Основные направления сотрудничества России и Китая в условиях защиты от МГВ определяются следующими факторами.

Прежде всего следует учитывать, что в условиях формирования многополярного мироустройства и на фоне глобальной нестабильности экономическое взаимодействие между Москвой и Пекином достигло стратегического уровня. Оно вышло за рамки простой торговли и охватывает технологический альянс, совместное реформирование глобальных финансов, создание архитектуры глобального управления. Развивается военное и военно-техническое взаимодействие. Сегодня можно выделить несколько ключевых направлений для развития всех форм сотрудничества.

1. Энергетика. Заключение долгосрочных контрактов на поставку нефти и газа (планируемый объем поставок газа — до 98 млрд куб. м к 2030 г.), совместные атомные станции, проекты, связанные со сжиженным природным газом (СПГ), возобновляемой энергетикой, а также развитие Северного морского пути для дивер-

сификации маршрутов. По состоянию на май 2026 г. в КНР было 60 действующих реакторов на 18 различных площадках. Гендиректор «Росатома» Алексей Лихачев говорил, что Россия сегодня строит в Китае четыре энергоблока для атомных станций. «Сколько мы можем построить? Да можем и четыре, можем и восемь. Это будет зависеть от наших договоренностей. Мы сейчас работаем над пакетом новых договоренностей», — пояснил Лихачев (Лихачев, 2026: Электронный ресурс).

2. Технологии и инновации. Сотрудничество в сфере ИИ, микроэлектроники, гражданской авиации и космоса, а также переход к промышленной кооперации для создания продуктов с высокой добавленной стоимостью.

3. Торговля, финансы и расчеты. Практически полный уход от доллара во взаимных расчетах (доля расчетов в рублях и юанях превысила 95%), обновление соглашений о защите инвестиций и совместный запуск 89 проектов стоимостью более200 млрд долл.

4. Инфраструктура и логистика. Увеличение грузопотока по БАМу и Транссибу до 180 млн тонн, совместное освоение острова Большой Уссурийский и запуск новых трансграничных маршрутов. Объем торговли между Россией и Китаем в январе — мае увеличился на 22,9% в годовом исчислении, до 109,5 млрд долл. Экспорт из Китая в Россию за пять месяцев вырос на 26,4% и достиг 49,17 млрд долл. Импорт из России в КНР повысился на 20,2%, до 60,35 млрд долл. (Объем торговли ... , 2026: Электронный ресурс).

5. Сельское хозяйство. Расширение присутствия России на рынке КНР (экспорт зерновых, масличных, морепродуктов) (там же).

6. Многополярные институты. Формирование нового миропорядка через платформы ШОС и БРИКС+, разработка альтернативных платежных систем и правил торговли. Важное место отводится сотрудничеству при формировании модели глобального управления (Бартош, 2026).

7. Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая в условиях МГВ направлено на укрепление стратегического партнерства, обеспечение взаимной безопасности и противодействие внешним угрозам. Это сотрудничество включает как политические, так и технологические аспекты взаимодействия.

8. Гуманитарная сфера. Проведение перекрестных Годов образования (2026–2027) и развитие безвизового туризма.

Перечисленные направления сотрудничества учитывают смысл и цели подрывных действий инициаторов МГВ против России и Китая и создают реальную основу для совместных действий.

Подрывная деятельность США и их союзников против России и Китая реализуется в рамках комплексной стратегии мировой гибридной войны. Ее цель — сдерживание и ослабление двух стран как ключевых геополитических конкурентов. Важная составляющая стратегического замысла МГВ заключается в создании напряженности между Россией и Китаем.

С этой целью в стратегическом плане США проводят дифференцированную политику. Для администрации Дональда Трампа Китай является главным, долгосрочным приоритетом для сдерживания, в то время как Россия, обладающая крупнейшим ядерным арсеналом, рассматривается как «постоянная, но управляемая угроза». Стратегия США направлена на перекладывание бремени поддержки на союзников по НАТО при одновременном «параллельном» сдерживании Москвы и Пекина с учетом растущего их стратегического партнерства.

Стратегические культуры и национальные интересы России и Китая, формировавшиеся в значительной степени автономно, сегодня выступают не просто основой для их сближения, но и фундаментом для выработки принципиально нового интеграционного подхода к обеспечению безопасности — совместной гибридной обороны.

Понимание специфики политического мышления России и Китая является ключом к пониманию логики их сотрудничества в сфере обеспечения безопасности.

Российская модель обеспечения безопасности отличается прагматичным и цивилизационным подходом, а также восприятием себя как осажденной крепости, что исторически предполагает создание буферных зон. Ключевые концепции — «рефлексивный контроль» (навязывание выгодного решения противнику) и приоритет «превосходства в управлении» в информационной сфере. Высокая централизация власти (Бартош, 2025).

Китайская модель имеет двойственную природу, сочетая конфуцианский пацифизм (оборонительный, миролюбивый подход) и реалполитик (*англ.* realpolitik — реальная политика), которая понимается как политика, основанная не на идеологических или нравственных принципах, а на практических и прагматичных соображениях, соответствующих интересам государства. В Китае все подчинено долгосрочным целям (например концепция «столетнего марафона») и идее «великого возрождения китайской нации», где приоритетом является стабильность власти.

Одним из ключевых событий в определении новых внешнеполитических принципов является центральное рабочее совещание по вопросам внешней политики, которое состоялось под председательством Си Цзиньпина в ноябре 2014 г. На этом мероприятии были выдвинуты несколько базовых принципов внешней политики КНР:

— китайская дипломатия — это дипломатия крупного государства;

— внешняя политика должна отличаться ясной китайской спецификой, китайским стилем и китайской позицией;

— ни в коем случае нельзя отказываться от законных интересов Китая;

— надо твердо защищать суверенитет, территориальную целостность и морские права страны, должным образом решать территориальные споры вокруг островов.

Китаевед И. Е. Денисов высказывает такое мнение: «В современном китайском политическом дискурсе четко прослеживается как преемственность внешней политики (акцент на такие константы, как путь мирного развития, защита ключевых интересов, политика «мягкой силы»), так и стремление придать китайской дипломатии более инициативный характер, что в перспективе должно вывести КНР в число государств, устанавливающих правила игры в соответствии со своими возросшими интересами (такие намерения особенно ярко видны на примере амбициозной программы превращения Китая в морскую державу, они проявляются и в сфере военной дипломатии — корректировке подходов к использованию китайских воинских подразделений за рубежом)» (Денисов, 2017, 2015: Электронный ресурс)

Сказанное позволяет утверждать, что, несмотря на различия в историческом опыте, в основе сближения наших двух стран лежит совпадение их фундаментальных целей и единство базовых национальных интересов.

Общий геополитический вызов определяет главный объединяющий фактор — единое восприятие геополитических угроз со стороны консолидированного Запа-

да. Обе страны видят в этом вызов своему суверенитету и стремятся к формированию многополярного мира. В сфере обеспечения безопасности и суверенитета Россия видит угрозу в попытках Запада повлиять на внутренние процессы и изменить режим, воспринимая гибридную и прокси-войны, технологии контролируемого хаоса и цветных революций как прямую угрозу (Указ ... , 2024: Электронный ресурс), Китай рассматривает стабильность своей политической системы как ядро национальной безопасности. Оба государства исходят из того, что США и их союзники ведут против них полномасштабную гибридную войну. Гибридное противоборство в ряде случаев перерастает в прямую военную конфронтацию, как это имело место при вторжении в Венесуэлу и в случае американо-израильской агрессии против Ирана.

Близость стратегических культур и интересов Росси и Китая выливается в конкретные проекты гибридной интеграции в политической, экономической и военно-технической сферах, которые формируют основу совместной гибридной обороны.

Стратегическая координация осуществляется в рамках диалога на высшем уровне и механизмов ежегодных консультаций по стратегической безопасности, что позволяет «сверять часы» по ключевым вопросам. В совместных заявлениях лидеры регулярно заявляют о приверженности координации подходов к глобальной стабильности. В технологической сфере сотрудничество перешло от сделок к интеграции. Это такие ключевые проекты, как обеспечение совместимости спутниковых систем ГЛОНАСС и китайской BeiDou; совместные противоракетные и ПВО учения; объединение разведывательных возможностей (ISR); создание систем гибридных операций, включая кибератаки, ИИ, РЭБ и освоение Арктики. Складывающаяся модель отношений описывается как «выравнивание без союза» и создает выгоды, сохраняя автономию и избегая излишних рисков в рамках гибкого партнерства.

В основе гибридной интеграции России и Китая лежит не слепое доверие, а прагматичный расчет, основанный на совпадении ключевых приоритетов в сложившихся реалиях современности. Учитывая двойственную природу китайской культуры и прагматизм российской, углубление военно-технического и стратегического партнерства стран в гибридной сфере в обозримой перспективе продолжится.

Информационно-психологическое воздействие на Россию и Китай со стороны Запада ведется через глобальные СМИ (например, «Голос Америки»). Его цель — продвижение технологий контролируемого хаоса и цветных революций, расшатывание внутриполитической стабильности. Экономическое давление включает масштабные санкции против России и технологическую блокаду Китая. Цель — подорвать экономику и технологическое развитие, а также заставить третьи страны (включая Китай и Индию) ограничить сотрудничество с Российской Федерацией. Однако санкционное давление часто служит стимулом для расширения торгово-экономического сотрудничества России и Китая, и сорвать его у США вряд ли получится. Поддержка оппозиции и сепаратизма проявляется в многолетних действиях США по содействию сепаратистским силам на Тайване, в Тибете, Синьцзяне и Гонконге. В отношении России — в расчетах на ослабление СНГ и ОДКБ, на массовые протесты внутри России путем ухудшения уровня жизни через санкции. США и некоммерческие организации открыто поддерживают несистемную оппозицию, финансируя неправительственные силы, наращивают усилия по созданию пятой

колонны и активизации ее действий. Кибератаки и технологический шпионаж — еще одно поле противоборства, на котором, например, в первом квартале 2026 г. Россия и Китай вошли в число стран, наиболее атакуемых в киберпространстве. При этом публично Вашингтон чаще обвиняет в атаках против США Россию и Китай. Военно-политическое давление и международная изоляция включают усиление военного присутствия НАТО у границ России и наращивание сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также ракетные системы на Филиппинах, создание союзов QUAD и АУКУС, принятие Тихоокеанской инициативы сдерживания.

Ведется обсуждение превентивных ударов по российским космодромам и угроз нанесения демонстрационных ударов в Южно-Китайском море. Активно разрабатываются новые виды вооружений: БПЛА, безэкипажные катера, подводные дроны. Расширяется использование космоса с предоставлением разведывательных данных и других возможностей американской спутниковой системы «Старлинк» прокси-агентам США. В дипломатической сфере Вашингтон пытается изолировать Россию и КНР, противодействуя их инициативам в ООН.

Подрыв технологического суверенитета ведется посредством экспортного контроля и ограничений на передачу передовых технологий, особенно в сферах микроэлектроники и ИИ. Цель США — не допустить технологического лидерства Китая и добиться технологической зависимости России, чтобы сохранить собственное доминирование, что фактически привело к технологическому протекционизму.

ЛОГИКА ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ В ПАРТНЕРСТВЕ МОСКВЫ И ПЕКИНА

Для отношений России с Китаем в контексте геополитического противостояния с США и Западом в политике, экономике и в военной сфере представляется крайне важным учет одной из отличительных черт китайской «логики мышления», которая легла в основу национальной стратегической культуры. Суть такой логики заключается в том, что для китайцев «единое раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил». Таким образом, китайская позиция состоит в нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон.

Заметим, что понятие «логика третьей силы» в контексте партнерства России и Китая как основы нового многополярного мира не является устоявшимся научным термином. В публичном дискурсе оно чаще всего рассматривается в рамках концепции формирования нового глобального полюса или центра силы, противостоящего доминированию Запада во главе с США. Суть сводится к тому, что стратегическое партнерство России, Китая и КНДР создает реальную альтернативу англосаксонскому миру, побуждая Глобальный Юг искать свое место в новой конфигурации. Усиление Китая ведет к формированию трехполюсного мира, где создание «третьего центра силы» (в союзе с Китаем) необходимо для обеспечения политической безопасности обеих государств.

Диалектически суть принципа «третьей силы» заключается в том, что после того как ситуация или явление разделяется на две противоположные стороны (например, активное и пассивное), перемены возникают не из их прямого противоборства, а через привлечение третьей силы. Третья сила может быть как активной, так и пассивной, и ее роль часто заключается в том, чтобы изменить баланс, сдвинуть ситуацию с мертвой точки или перевернуть ее в свою пользу. Таким образом, китайская логика акцентирует внимание не на борьбе двух противоположно-

стей, а на поиске и использовании третьей силы для достижения перемен и решения проблем.

Напомним, что китайская логика поиска и привлечения «третьей силы» при противоборстве двух сторон — это древний философский принцип, который сегодня активно влияет на дипломатическую стратегию Китая, и его последствия носят двойственный характер для партнерства с Россией. С одной стороны, эта логика делает союз более устойчивым к внешнему давлению, с другой — создает для Москвы как новые возможности, так и вызовы.

Вопреки западной бинарной логике (победа одной стороны за счет другой) китайское мышление утверждает, что подлинные перемены и равновесие наступают лишь при участии третьей силы.

В реалиях современной политики и дипломатии этот фактор проявляется как уход Пекина от биполярности, когда в условиях острого противостояния с Западом (особенно с США) Пекин стремится не просто выбирать сторону, а изменять саму структуру международных отношений. В ряде случаев возможно привлечение «третьего» как медиатора, когда в деловых или политических отношениях в условиях тупика для двух сторон китайцы ищут посредника — третью силу, которая сломает этот барьер. Такая логика Пекина в контексте партнерства России и КНР имеет для Москвы, как уже отмечалось, и плюсы, и минусы.

Плюсы связаны с укреплением устойчивости партнерства, поскольку логика привлечения «третьего» резко усиливает устойчивость тандема «Пекин — Москва». Цель — не допустить создание вокруг России и Китая пояса американских прокси-стран. В ответ на попытки США изолировать Россию Пекин и Москва укрепляют БРИКС и ШОС, создавая буферную зону. Общей для двух стратегических партнеров является их нацеленность на многополярность, и создание многополярного мира является ключевой идеей, сплачивающей Россию и Китай (при том что сами концепции многополярности существенно различаются в России и Китае. Для последнего многополярность — не множество центров силы, а суверенное равенство государств при доминирующем положении Китая). Для стран Глобального Юга, например, Россия выступает именно такой третьей силой, позволяющей им лавировать между США и Китаем. Китай активно поощряет роль России как независимого центра силы.

Следует помнить, что в условиях геополитического противоборства риски и вызовы для Москвы связаны с асимметрией в партнерстве: по мере укрепления сотрудничества на базе общей «борьбы с гегемонизмом» растет зависимость Москвы от Пекина в экономике и технологиях. Китайская экономика более диверсифицирована, что создает уязвимость для России в долгосрочной перспективе. Кроме того, следуя своей логике, Китай избегает полного разрыва с США. Такая гибкость — получение технологий от США и ресурсов от России — означает, что поддержка Москвы для Китая не абсолютна, а носит ситуативный характер.

СИТУАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПАРТНЕРСТВА КАК ФАКТОР ОСЛАБЛЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ОБОРОНЫ

Ситуативный характер российско-китайского партнерства может нанести серьезный ущерб идее совместной гибридной обороны в ряде ключевых сфер.

Во-первых, ситуативный характер связан с наличием фундаментальных разногласий в доктринах России и Китая: Россия допускает применение ядерного ору-

жия в ответ на обычное нападение, угрожающее существованию государства («эскалация для деэскалации»), Китай же придерживается принципа «неприменения ядерного оружия первым» и добивается заключения соответствующего договора между державами.

Это означает, что в критический момент Пекин может быть не готов поддержать ядерное устрашение Москвы, что создаст разрыв в их общей обороне и даст противнику возможность для маневра.

Во-вторых, ситуативному характеру отношений в сфере гибридной обороны способствуют технологическая зависимость и санкционное давление, создающие экономическую асимметрию в отношениях. Китай стал доминирующим партнером США и Запада в целом, используя российский экспорт ресурсов и свой технологический потенциал. Основное уязвимое место Пекина — это вторичные санкции США. Китайский бизнес крайне чувствителен к риску их введения, что заставляет Пекин действовать с оглядкой на Запад. В результате в момент кризиса Китай может «притормозить» или вовсе прекратить критически важные поставки в Россию, чтобы избежать удара по собственной экономике.

В-третьих, важным фактором, способствующим созданию ситуативного характера партнерства, является расхождение интересов Москвы и Пекина в региональных кризисах, что обусловлено их разной степенью уязвимости. В кризисах (например, на Ближнем Востоке) у России и Китая появляются разные приоритеты. Россия, имея меньше экономических потерь, может активнее поддерживать партнеров в регионе, в то время как Китай, опасаясь за свою энергобезопасность и торговлю, будет стремиться к скорейшему прекращению конфликта и избегать его эскалации.

В-четвертых, ситуативности партнерства способствует отсутствие военного альянса, поскольку Россия и Китай официально не связаны взаимными оборонительными обязательствами, что является осознанным выбором обеих сторон для сохранения свободы маневра. Отношения строятся по принципу «никогда друг против друга, но и не всегда вместе» Поэтому в случае конфликта с Западом ни одна из сторон не гарантирует прямого военного вмешательства.

В-пятых, несовершенство системы защиты критически важных для бизнеса и оборонно-промышленного комплекса технологий, интеллектуальной собственности и данных может породить взаимное недоверие в военно-технической сфере и стремление сохранить контроль над своими технологиями.

Влияние этих весьма существенных факторов на разработку совместных мер противодействия стратегии мировой гибридной войны должно быть тщательно изучено и нейтрализовано в ходе взаимных консультаций сторон.

Кроме того, следует отметить, что перечисленные факторы воздействуют в первую очередь на военную и военно-техническую составляющие стратегии партнерства. В то же время их влияние на стратегию защиты от невоенных форм и способов противоборства, к которым прибегает противник при реализации стратегии наступательных действий МГВ против России и Китая, будет не столь критичным в контексте уязвимости и зависимости стратегии защиты от внешнего давления.

В геополитическом треугольнике Россия — Китай — США для каждой из сторон характерно стремление достигать необходимых результатов с как можно меньшими для себя усилиями и материальными издержками, прежде всего с помощью привлечения и использования для осуществления собственных замыслов мак-

симально возможного объема чужих сил и средств, а также благоприятных для выполнения своих планов сложившихся объективных и субъективных условий.

Вопрос о совместной стратегии России и Китая пока носит аналитический характер, так как официального единого документа не существует. Однако, исходя из совместных заявлений Москвы и Пекина, учений и научных дискуссий, гипотетическая стратегия могла бы состоять из следующих разделов.

1. Идеологическая и когнитивная оборона, включая противодействие западному доминированию в глобальном информационном пространстве, защиту суверенитета в интернете, создание альтернативных вариантов изложения событий и совместное противодействие ценностному давлению.

2. Одновременное и взаимосвязанное развитие элементов экономической системы или ее подсистем, при котором изменения в одном элементе влияют на другие и определяют дальнейшее развитие всей системы, укрепление финансовой безопасности за счет расширения расчетов в национальных валютах (юань/рубль), создания независимых платежных систем и совместных механизмов защиты от вторичных санкций, развитие кооперации в критически важных секторах (энергетика, редкоземельные металлы).

3. Кибернетический и космический компонент стратегии может включать согласованные позиции по нераспространению кибероружия, совместные учения по защите критической инфраструктуры и противодействие развертыванию оружия в космосе (при сохранении собственного космического потенциала).

4. Дипломатическое прикрытие и «многополярное право» может предусматривать координированное использование права вето в СБ ООН, создание альтернативных площадок (БРИКС, ШОС) для легитимизации своих действий и блокирования западных интервенций под видом гуманитарных миссий.

5. Непрямые военные действия реализуются за счет проведение совместных или параллельных военных учений без создания жесткого альянса (союз «без обязательств»), взаимного использования военной инфраструктуры, а также поддержки прокси-сил в стратегически важных регионах без формального вмешательства.

6. Важным элементом стратегии ГО должно стать управление эскалацией и демонстрация единства, включая сигналы для Запада (например, совместное патрулирование стратегической авиации), координацию «красных линий» и механизмов, чтобы не допустить прямого столкновения, грозящего перерасти в ядерный конфликт.

Таким образом, совместная стратегия гибридной обороны строится на создании «асимметричного симбиоза». В рамках этой стратегии Россия выступает военно-ресурсным щитом, а Китай — технологическим и экономическим. Их цель — противостоять глобальному доминированию США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действия США и их союзников против России и Китая представляют собой многогранную и непрерывную подрывную деятельность, охватывающую практически все сферы международных отношений — от дипломатии и экономики до информационного и военного противоборства. Главной целью Вашингтона является сохранение глобального лидерства США.

Россия и Китай рассматриваются Западом в качестве основных противников в разворачивающейся мировой гибридной войне, а их тесное сотрудничество в тех-

нологической и военной сферах создает потенциал для гибридных угроз для Запада в оборонительных и наступательных действиях.

Гибридные войны, сочетающие военные и невоенные методы, становятся основной формой межгосударственного противоборства. Они ведутся в серой зоне ниже порога обычного военного конфликта, а их конечная цель — подрыв политического руководства и образа жизни населения противника с помощью дезинформации и кибератак и непрерывного экономического давления. В условиях ставшего непрерывным долгосрочного гибридного противоборства формируется тренд, когда крупные державы (США, Россия, Китай) переходят к гибридной обороне, где симметричная сила создает прикрытие для использования асимметричных форм борьбы, а малые страны делают ставку на асимметричные системы (ракетные катера, дроны, переносные зенитные ракетные комплексы), чтобы сделать симметричную атаку слишком дорогой.

В стратегии гибридной обороны с привлечением внутренней радикальной оппозиции практикуются методы блокады коммуникаций, захвата административных зданий, проведения скрытых военных операций, распространения дезинформации и кибератак при официальном отрицании своей причастности. Задача — достичь политических целей, не доводя дело до полномасштабной войны и создавая неопределенность, в условиях которой сложно определить момент нападения, агрессора при формальном отрицании участия и ответить симметрично.

Китай рассматривает действия США против России как идущие в русле гибридного воздействия США на КНР. Это указывает на то, что США находятся на завершающем этапе подготовки к полномасштабной гибридной войне против Китая.

Для России характерна интеграция гибридных ответных действий со стратегической культурой страны, а Китай трансформирует подходы к сдерживанию и делает акцент на технологическом суверенитете как факторе победы.

Точками соприкосновения двух великих держав в противостоянии гибридным атакам Запада является рост технологического сотрудничества между Москвой и Пекином (интеграция ИИ, БПЛА, кибератак, спутниковых технологий), что усиливает их коллективный гибридный потенциал.

Последующим логичным шагом могло бы стать создание эффективной стратегии гибридной обороны. Это требует от России, Китая и некоторых других государств — объектов МГВ развертывания на многосторонней основе консультаций и практических шагов по разработке коалиционного документа стратегического планирования, построенного на результатах совместного анализа, прогнозирования, целеполагания и планирования совместных действий по обеспечению национальной и международной безопасности.

Такая «высшая стратегия» гибридной обороны станет важным элементом концепции нового мироустройства, основой для создания устойчивых институтов сотрудничества между Россией, Китаем, Индией, Ираном, другими дружественными государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ от 28.12.2024 №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87904.html (дата обращения: 29.05.2026).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6487?ysclid=msofpf9pbf234549119 (дата обращения: 11.08.2026).

Бартош, А. А. (2019) Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М. : Горячая линия — Телеком. 324 с.

Бартош, А. А. (2026) Актуальные тенденции реконфигурации системы глобального управления в конкурирующих моделях миропорядка // Проблемы национальной стратегии. №1 (94). С. 166–182.

Бартош, А. А. (2026) Факторы развития стратегического партнерства между Россией и Китаем в Арктическом регионе в условиях мировой гибридной войны // Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России : материалы VII науч.-практ. конф. (11 декабря 2025 г.) : сб. ст. / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов, Т. В. Сичкарь. М. : Издательский дом «УМЦ». С. 42–50.

Бартош, А. А. (2020) Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М. : Горячая линия — Телеком. 248 с.

Бартош, А. А. (2025) Дипломатия «государства-крепости» в гибридной войне // Дипломатическая служба. №5. URL: https://panor.ru/magazines/diplomaticheskaya-sluzhba.html (дата обращения: 07.06.2026).

Бартош, А. А., Никоноров, Г. А. (2025) Критерии и ступени победы в гибридной войне // Военная мысль. №6. С. 74–89.

Безруков, А. О. (2026) Стенограмма речи на ПМЭФ [Электронный ресурс]. URL: https://glav.su/forum/threads/1870105 (дата обращения: 07.06.2026).

Денисов, И. Е.(2017) Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальной трансформации. Т. 10. №5.

Денисов, И. Е. (2015) Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине [Электронный ресурс] // Международная жизнь. №5. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253?utm. (дата обращения: 10.06.2026).

Клаузевиц, К. (2022) О войне. М. : АСТ. 1024 с.

Объем торговли РФ и КНР за январь — май (2026) [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/news/840958.html (обращения: 09.06.2026).

Пекин переписывает рейтинг стран с крупнейшей ядерной энергетикой [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2026-06-09/1_9512_china.html (дата обращения: 17.06.2026).

Шевцов, Л. П., Бартош, А. А. (2025). Мировая гибридная война как фактор трансформации политического и военно-профессионального мировоззрения // Клуб военачальников РФ. №1. С. 16–26.

Дата поступления: 25.05.2026 г.

STRATEGY OF HYBRID DEFENCE THROUGH THE PRISM OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA

A. A. Bartosh
Moscow Institute of Sociological Research

The dissolution of the bipolar world finally ended with a crisis of the liberal order and the idea of partnership of civilizations. The main obstacle on the way to the partnership of civilizations is not economic competition or political contradictions between countries of the modern world but the worldview of the Western countries' elite, which reject this partnership in principle. Under the conditions of a world hybrid war, when a direct confrontation of two nuclear powers is unlikely, Russia and China have moved to the formation of their own version of hybrid war. Unlike the wes-

tern concept of hybrid warfare as an offensive tool, Beijing and Moscow interpret hybrid defence as a set of measures to parry threats to sovereignty — from cyber-attacks to colour revolutions. The given paper explores how the two powers synhcronise their efforts in informational, energetic, and technological spheres and what makes their cooperation an actual strategic alliance.

Keywords: hybrid war; hybrid defence; strategy; factors; partnership

REFERENCES

Ukaz Prezidenta RF ot 28.12.2024 № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii» [online] Available at: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87904.html (accessed: 29.05.2026).

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o dal`nejshem ukreplenii vseob``emlyushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya i ob uglublenii otnoshenij dobrososedstva, druzhby` i sotrudnichestva [online] Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/6487?ysclid=msofpf9pbf234549119 (accessed: 11.08.2026).

Bartosh, A. A. (2019) *Tuman gibridnoj vojny`. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI veka.* Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. 324 p.

Bartosh, A. A. (2026) Aktual`ny`e tendencii rekonfiguracii sistemy` global`nogo upravleniya v konkuriruyushhix modelyax miroporyadka. *Problemy` nacional`noj strategii*, no. 1 (94), pp. 166–182.

Bartosh, A. A. (2026) Faktory` razvitiya strategicheskogo partnerstva mezhdu Rossiej i Kitaem v Arkticheskom regione v usloviyax mirovoj gibridnoj vojny`. *Civilizacionny`e aspekty` razvitiya Arkticheskix regionov Rossii : materialy` VII nauch.-prakt. konf. (11.12.2025) : sb. st.* / ed. by M. A. Bulavina et al; Moscow, UMC Publ. Pp. 42–50.

Bartosh, A. A. (2020) *Strategicheskaya kul`tura v konfliktax XXI veka*. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. 248 p.

Bartosh, A. A.(2025) Diplomatiya «gosudarstva-kreposti» v gibridnoj vojne. *Diplomaticheskaya sluzhba. № 5*. [online] Available at: https://panor.ru/magazines/diplomaticheskaya-sluzhba.html (accessed: 07.06.2026).

Bartosh, A. A. and Nikonorov, G. A. (2025) Kriterii i stupeni pobedy` v gibridnoj vojne. *Voennaya my`sl*, no. 6, pp. 74–89.

Bezrukov, A. O. (2026) Stenogramma rechi na PME`F [online] Available at: https://glav.su/forum/threads/1870105 (accessed: 07.06.2026).

Denisov, I. E.(2017) Vneshnyaya politika Kitaya pri Xi Jìnpíng: preemstvennost` i novatorstvo. *Kontury` global`noj transformacii*, vol. 10, no. 5.

Denisov, I. E. (2015) E`volyuciya vneshnej politiki Kitaya pri Xi Jìnpíng. *Mezhdunarodnaya zhizn`, no. 5* [online] Available at: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253?utm (accessed: 10.06.2026).

Clausewitz, Carl von (2022) *O vojne*. Moscow, AST. 1024 p.

Ob``em torgovli RF i KNR za yanvar` — maj (2026). *Nezavisimaya gazeta* [online] Available at: https://www.ng.ru/news/840958.html (accessed: 09.06.2026).

Pekin perepisy`vaet rejting stran s krupnejshej yadernoj e`nergetikoj. *Nezavisimaya gazeta* [online] Available at: https://www.ng.ru/economics/2026-06-09/1_9512_china.html (accessed: 17.06.2026).

Shevczov, L. P., Bartosh, A. A. (2025). Mirovaya gibridnaya vojna kak faktor transformacii politicheskogo i voenno-professional`nogo mirovozzreniya. *Klub voenachal`nikov RF*, no. 1, pp. 16–26.

Submission date: 25.05.2026 г.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт Лиги военных дипломатов, эксперт/аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических

исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, д. 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-01-30-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert, League of Military Diplomats, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-01-30-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.4

Техносубъект как утопический проект: между прогрессом и абсурдом

А. В. Костина

Московский гуманитарный университет

В рамках расширения представлений о прогрессе ИИ и ставшего уже привычным тезиса о технологической сингулярности, когда способность компьютеров осмысливать реальность кратно превышает человеческую, прогнозы-предсказания В. Винджа и Р. Курцвейла становятся как бы принятыми сознанием и чуть ли не очевидными, само собой разумеющимися. И это несмотря на то, что книги этих авторов настолько популярны и излишне оптимистичны, что оказываются сопоставимы с романами Жюля Верна. Тем не менее уверенность обыденного сознания в том, что роботы скоро заменят людей, имеет под собой определенные основания. Она опирается на широко распространенные сегодня практики редактирования генома, наполнения тела автоматикой и средствами усиления необходимых свойств, формирования чувств и ощущений посредством биохимических воздействий и многое другое. Воплощением всех этих качеств становится новый конструкт цифровой эпохи — техносубъект, совмещающий биологическую природу с подключением к ИИ. В статье показано, что формирование техносубъекта спряжено с целой совокупностью факторов — технических, социальных, ценностных, которые должны принципиально трансформироваться вместе с трансформацией человека. Автор ставит главные вопросы в соответствии с развитием проекта техносубъекта: насколько необходимы такие трансформации, чем они обусловлены и к каким последствиям приведет их реализация.

Ключевые слова: техносубъект; ИИ; цифровая эпоха; человек; социальность; ценности

ВВЕДЕНИЕ

Наша деятельность сегодня, начиная от управления трафиком и логистикой, ценообразованием и покупками и завершая отдыхом, работой и обучением, в постоянном режиме генерирует новые цифровые следы, которые через создаваемые алгоритмические решения влияют на физическую реальность, образуя замкнутый взаимообусловленный цикл процессов.